

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-732-744

EDN: EBFSJW

УДК 811.161.1'23'37:004.7

Научная статья / Research article

Стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов: на материале цепочечного ассоциативного эксперимента

В.А. Каменева , И.С. Морозова ,
Е.Н. Ермолаева , Т.В. Старцева

Кемеровский государственный университет,
650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6

 russia_science@mail.ru

Аннотация. В настоящее время изучение виктимизации и виктимного поведения как явлений современного киберпространства в аспекте их стереотипизации в языковом сознании молодежи представляется крайне актуальной проблемой, обусловленной рядом экстралингвистических причин, таких как массовая вовлеченность молодых людей в виртуальное общение, анонимность киберкоммуникации и отсутствие юридической ответственности за девиантное поведение в сети Интернет, неосведомленность молодежи о необходимости корректной настройки параметров конфиденциальности личных аккаунтов и т.д. Целью данного исследования является установление наличия стереотипного представления о кибержертве в языковом сознании российских студентов. Новизна самого явления киберкоммуникации и его недостаточная изученность с психолингвистических позиций свидетельствуют о теоретической и практической значимости работ такого рода. Для решения поставленных задач был проведен цепочечный (цепной) ассоциативный эксперимент среди студентов Кемеровского государственного университета всех направлений подготовки в форме онлайн-анкетирования. Исследование полученных ассоциативных реакций респондентов на базе методов морфосинтаксического анализа и семантического гештальта позволило выделить семантические зоны, на основании которых смоделировано ассоциативное поле, характеризующее стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов. Результаты проведенного анализа позволяют авторам утверждать, что в представлении молодежи (студентов вуза) кибержертва как участник интернет-коммуникации не вызывает ассоциаций с национальной принадлежностью, биологическим полом, возрастом, профессией. При общем положительном отношении к кибержертве, вызывающей сочувствие, респонденты указывают на неспособность такого человека к активным действиям, что дает возможность интерпретировать стереотипный образ кибержертвы как человека без собственной жизненной позиции или человека, неспособного отстаивать ее по физиологическим или психологическим причинам, что нивелирует возможность самого человека влиять на коммуникативную ситуацию подобного типа.

© Каменева В.А., Морозова И.С., Ермолаева Е.Н., Старцева Т.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: киберкоммуникация, виктимизация, виктимное поведение, кибержертва, ассоциативный эксперимент.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Каменева В.А., Морозова И.С., Ермолаева Е.Н., Старцева Т.В. Стереотипное представление о кибержертве в языковом сознании российских студентов: на материале цепочечного ассоциативного эксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 732–744. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-732-744>

Stereotypical Representation of a Cybervictim in Russian Students' Language Consciousness based on the Material of the Chain Associative Experiment

Veronika A. Kameneva , **Irina S. Morozova** ,
Elena N. Ermolaeva , **Tatiana V. Startseva**

Kemerovo State University,
6, Krasnaya St., Kemerovo, Russian Federation, 650043
 russia_science@mail.ru

Abstract. Currently, the study of victimization and victim behavior as phenomena of modern cyberspace in the aspect of their stereotyping in the language consciousness of young people is a topical problem due to some extralinguistic reasons, such as massive involvement of young people in virtual communication, anonymity of cybercommunication and lack of legal liability for deviant behavior on the Internet, people's ignorance of the need to correctly configure the privacy settings of their personal accounts, etc. This research is aimed at revealing the stereotypical representation of a cybervictim in the language consciousness of Russian students. The novelty of the phenomenon of cybercommunication and the insufficient scientific research data within the framework of psycholinguistics indicate the theoretical and practical significance of such studies. To solve the tasks set, the chain associative experiment in the form of an online questionnaire was conducted among students of all educational specializations of Kemerovo State University. The study of the respondents' associative reactions with the use of methods of morphosyntactic analysis and semantic gestalt analysis made it possible to identify the semantic domains, on the basis of which the associative field was modeled, which characterizes the stereotypical representation of a cybervictim in the linguistic consciousness of Russian students. The results allow the authors to conclude that, from the viewpoint of young people, a cybervictim as a participant in the Internet communication does not evoke associations related to nationality, sex, age, profession. With a generally positive attitude to a cybervictim arousing sympathy, respondents point out the inability of such a person to take actions, which makes it possible to interpret the stereotypical image of a cybervictim as of a person without their own life philosophy or unable to defend it for physiological or psychological reasons, that negates the possibility to influence the communicative situation of this type.

Keywords: cybercommunication, victimization, victim behavior, cybervictim, linguistic consciousness, associative experiment

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Kameneva, V.A., Morozova, I.S., Ermolaeva, E.N. & Startseva, T.V. (2023). Stereotypical Representation of a Cybervictim in Russian Students' Language Consciousness based on the Material of the Chain Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 732–744. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-732-744>

Введение

Актуальность изучения виктимизации в киберкоммуникации и сформированности стереотипных представлений в языковом сознании молодежи о кибержертве обусловлена рядом экстралингвистических причин. Во-первых, наблюдается высокая степень вовлеченности молодежи в киберкоммуникацию. Как известно, молодые люди в современных реалиях в большей степени общаются и заводят не только реальных, но и виртуальных друзей, попадая в ситуацию общения с субъективно представляемым, а не реально существующим партнером по взаимодействию. Это, в свою очередь, предопределяет особенности киберкоммуникации и те коммуникативные роли, которые выбираются или навязываются ее участникам. Во-вторых, возможность анонимного комментирования и, как следствие, отсутствие административной или уголовной ответственности влияют на проявление агрессии в киберкоммуникации. В-третьих, повышенная открытость персональной информации из-за психологических особенностей [1] или незнания корректной настройки фильтров приватности личных аккаунтов социальных сетей и др. повышает риск стать жертвой киберагрессора. В-четвертых, не всегда жертва и агрессор понимают, что играют эти роли.

Невозможность наблюдения страданий жертвы киберагрессии в реальной жизни снимает угрызения совести киберагрессора в случае доведения жертвы до суицида [2], поскольку агрессивные комментарии он может считать шуткой или забавой. По мнению ученых, «подросток может относиться безответственно к своим словам, написанным в социальных сетях, но нести ответственность за сказанные слова собеседнику при живом общении» [3. С. 73]. Кроме того, в настоящее время киберкоммуникация играет одну из главных ролей в социализации молодежи [4].

Все вышеперечисленные факторы в совокупности с новизной самого явления киберкоммуникации и ее малой изученностью с психолингвистических позиций также свидетельствуют о значимости данного научного объекта и делают теоретически и практически значимым психолингвистическое исследование виктимизации — актуальной проблемы киберкоммуникации.

Обобщение и систематизация исследований по киберкоммуникации подтвердили, что в большинстве случаев акцент делается на кибербуллинге,

а виктимизация остается вне детального исследовательского фокуса [5–7]. При этом признается, что кибербуллинг и виктимизация представляют собой взаимосвязанные по сути явления [8–10]. В данном исследовании вслед за И.С. Бубновой и А.Г. Терещенко под виктимизацией мы будем понимать процесс «превращения человека в жертву и его последствия», а виктимностью будем считать совокупность социальных и психологических черт личности, которые обуславливают ее предрасположенность и психологическую готовность к превращению в жертву [11. С. 90].

Отметим, что в научной литературе по психологии и социологии подробно описаны факторы, которые могут привести к виктимизации. Так, в работе А.С. Фомиченко указываются: непризнание ровесниками, узкий круг друзей, неумение выстраивать долгосрочные дружеские отношения [12]. Т.Г. Волкова, Ю.А. Наумова, Е.А. Захарова среди факторов, предопределяющих виктимизацию подростка, называют низкую самооценку, неуверенность в себе, тревожность, страх вероятного наказания или оскорблений. Значимым считаем включение учеными конфликтного поведения, наглости и агрессии в факторы, которые могут способствовать виктимизации подростка в киберкоммуникации [13; 14]. Р. Эскортелль, Б. Дельгадо, М.К. Мартинес-Монтеагудо признают низкую самооценку, неуверенность в себе и страх одними из важных факторов виктимизации, но исследователи подчеркивают, что повышенная тревожность, наоборот, защищает подростков от кибервиктимизации, так как они стараются избегать вызывающих беспокойство ситуаций в виртуальной среде, таких как наказание, выговор или негативная оценка со стороны сверстников, родителей и учителей [15]. Е.А. Колесников вслед за Г.Л. Смолян и А.А. Кононовым указывает психосоциальную деформацию семьи и плохую организацию учебного процесса в учебном заведении в качестве триггеров виктимизации [4; 16]. По мнению Ф.С. Сафуанова, Н.В. Докучаевой, А.В. Путинцевой, кибержертвами могут становиться подростки, которые склонны к саморазрушению и сами провоцируют противоправные действия по отношению к себе [17; 18]. По мнению М. Родригес-Энрикес и ее коллег, кибержертва проводит много времени за киберкоммуникацией в социальных сетях, ее характеризует экстраверсия и эмоциональная нестабильность. При этом подчеркивается, что эмоционально стабильный человек не станет кибержертвой, несмотря на длительное время общения в социальных сетях [19].

Обобщая все характеристики виктимности и виктимного поведения молодых людей, можно заключить, что кибержертвой может стать как неуверенный в себе подросток, ищущий одобрения, так и агрессивный подросток, склонный к саморазрушению и рисковому поведению в киберпространстве, который имеет проблемы с организацией коммуникации, эмоционально нестабилен, проводит много времени в интернет-пространстве, может быть из неблагополучной семьи. С одной стороны, данные характеристики могут

стигматизироваться и трансформироваться в стереотипы. С другой стороны, ряд исследователей утверждает, что не существует стереотипной жертвы кибербуллинга и подвергнуться виктимизации может абсолютно любой ребенок или подросток [17].

Целью данного исследования является установление наличия усредненного, то есть стереотипного представления о кибержертве в языковом сознании российских студентов. Под стереотипным представлением в данной работе понимается усредненный, эмоционально-окрашенный образ, некое устойчивое представление о человеке, которое функционирует как когнитивная схема при их восприятии [20; 21].

Для достижения поставленной цели был решен ряд задач: была создана генеральная выборка исследования при помощи цепочечного ассоциативного метода в форме онлайн-анкетирования; полученные ассоциаты были сгруппированы по семантическим зонам; на основании полученных реакций было смоделировано ассоциативное поле; проанализированы доминантные признаки, характеризующие представление о кибержертве; создана модель стереотипного представления у российских студентов в их языковом сознании с учетом его содержания, структуры и выраженности.

Материал и методы

Сбор материала для генеральной выборки был проведен в сентябре 2021 г. в Кемеровском государственном университете (КемГУ). В эксперименте приняли участие 537 студентов всех направлений подготовки для обеспечения обоснованности выводов. Участникам эксперимента была дана инструкция по заполнению таблицы и задание записать ассоциации к слову «кибержертва» в предоставленную онлайн-таблицу.

Сбор материала исследования и анализ данных осуществлялись при помощи таких методов, как цепочечный ассоциативный эксперимент для сбора генеральной выборки исследования, синтаксический анализ полученных ассоциатов, семантический анализ реакций респондентов на слово-стимул «кибержертва», метод семантического гештальта и моделирование.

Цепочечный ассоциативный эксперимент [22] для сбора данных был выбран по ряду причин. Во-первых, он дает большее количество материала исследования, чем в случае со свободным ассоциативным экспериментом. Во-вторых, он не подталкивает респондентов к определенным ответам, как это происходит при применении направленного ассоциативного эксперимента. В-третьих, он позволяет получить детальную информацию о сформированности и степени выраженности стереотипных представлений в языковом сознании респондентов. Доказано, что при помощи ассоциативного эксперимента можно также проследить «субъективные связи между компонентами стереотипа» [23. С. 88].

Применение метода семантического гештальта, синтаксического, семантического методов анализа полученных ассоциатов позволило установить основные формы реакций респондентов, сгруппировать признаки исследуемого стереотипного представления о кибержертве в семантические группы для анализа содержания, архитектоники и выраженности искомых стереотипных представлений у российских студентов.

Результаты и обсуждение

В цепочечном ассоциативном эксперименте приняли участие 537 студентов. Генеральная совокупность составила 537 реакций на слово-стимул *кибержертва*, из которых 8 ассоциатов семантически не связаны со стимулом, 2 реакции представляют собой индивидуальные ассоциаты *я* и *Гриша*.

Частеречный анализ полученных ассоциатов позволил установить доминирование двух типов реакций, выраженных словом и словосочетанием (представленных существительными и прилагательными). Например, респонденты дали такие реакции на слово-стимул *кибержертва*: *жертва интернет-насилия, страх, интернет-потерпевший, ягненок, жертва троллинга, жалость, пострадавший в сети, пострадавший, оскорбленный, невинный, слабый, слабохарактерный*.

Количественный подсчет реакций, полученных на слово-стимул *кибержертва*, показал доминирование ассоциатов в виде существительных в именительном падеже (70 % от общего объема генеральной совокупности). Второе место по частотности заняли ассоциаты, выраженные определением (20 % от общего объема генеральной совокупности). Предположительно, превалирование реакций, выраженных существительными, обусловлено лексико-грамматическими особенностями слова-стимула *кибержертва*, представляющего собой имя существительное в именительном падеже единственного числа.

Количественный анализ данных цепочечного ассоциативного эксперимента и применение семантического анализа полученных реакций опрошенных студентов позволили идентифицировать ядро исследуемого стереотипного представления российских студентов о кибержертве. К наиболее частотным реакциям на слово-стимул *кибержертва* были отнесены: *жертва* (97 реакций); *жертва в интернете, жертва интернет-насилия, жертва интернет-агрессии, жертва в социальной сети, виртуальная жертва, жертва в киберпространстве* (53 реакции); *оскорбленный, человек, которого оскорбляют, человек, подвергшийся оскорблениям, тот, кого оскорбили* (33 реакции). Указанные признаки составляют ядро исследуемого стереотипного представления в языковом сознании российских студентов.

В ближайшую периферию вошли: *пострадавший* (25 реакций); *травля* (23 реакции); *насилие, интернет-насилие* (17 реакций); *слабый духом и слабый*

человек (13 реакций); *потерпевший* (12 реакций); *униженный, унижение* (12 реакций).

Дальнюю периферию составили следующие признаки: *бедолага, бедняга, бедняжка, беда* (10 реакций); *страх* (9 реакций); *жалость* (8 реакций); *неуверенный, неуверенный в себе человек* (6 реакций); *невинный* (6); *подавленный, подавленность, морально подавленный человек* (5); *беззащитный* (5 реакций).

Анализ полученных слов-реакций проводился на основе метода семантического гештальта [24], в результате чего ассоциаты были распределены по семантическим зонам, охватывающим стереотипные признаки явления, обозначенного словом-стимулом. Основу для именованя семантических зон к слову-стимулу *кибержертва* составили базовые местоимения *кто, что, какой, где* и *как*, т.е. ассоциирующиеся со словом-стимулом *лицо, предмет, признаки, действие, место* и *качество*. Слова-реакции, составляющие каждую из указанных семантических зон, были распределены в порядке убывания. В итоге получилась следующая картина ассоциативного поля.

Семантическая зона *кто* (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом *кибержертва*): наиболее часто встречаемое слово-реакция *жертва* (158) ассоциативно связано с пассивностью позиции по отношению к агрессивному поведению со стороны киберагрессоров. В целом слова, демонстрирующие основной процент реакций (*жертва* (158), *человек* (130)), представляют собой семантически нейтральные элементы, не позволяющие соотнести данный объект действительности с национальной, социальной, гендерной или возрастной группой. Однако часть реакций, встречающихся единожды или редко, можно условно объединить в группы слов, связанных с определенной категорией (возраст, профессия, род деятельности, пол), со стилистическими особенностями лексики (сниженная, разговорная, сленг), а также слов с оценочным компонентом.

Так, выделяется группа слов, описывающих участников сетевых игр, геймеров, или активных пользователей социальных сетей (*изич, игрок, блогер, инстасамка*). В частности, слово *изич* представляет собой номинацию с оценочным компонентом пренебрежение, используемую геймерами для описания человека, которого легко обыграть в сетевой игре (от англ. *easy*).

Ряд слов-реакций формирует гендерно-маркированную группу (*девушка, девочки, пацан, феминистка, инстасамка*). Возрастной аспект представлен в следующих реакциях: *школьник, старик, дети*. Группа реакций, соотносимая с пластом разговорной и обценной лексики: *чмо, омежка, лох, фуфел, бедолага, терпила*.

Также выделяется ряд зоонимов (*ягненок, киберовечка, зайчик, кибержаба*). Примечательно, что в данном случае респонденты прибегают к использованию уменьшительно-ласкательных суффиксов для описания явления. Это позволяет говорить о присутствии положительного

оценочного компонента в семантике данных слов. Любопытным примером единичной ассоциации в ряду зоонимов является слово-реакция *кибержаба*, которое может пониматься как источник неприятностей, проблемной ситуации.

Наряду с этим выделяется группа слов с отрицательным оценочным компонентом, который связывает исходное слово-стимул с последствиями поведения самого человека, пострадавшего от киберагрессии (*провокактор, неряха, нытик, симулянт*).

В семантической зоне **что** представленные реакции можно условно разделить на категорию абстрактных слов, связанных с эмоциональным или физическим состоянием человека: *жалость* (8), *слабость* (5), *невинность* (4), *неуверенность* (4), *беспомощность* (3), *опасность* (3), *страх* (2), *внимательность* (2), *доверчивость* (2), *депрессия* (2), *неомощность*, *грусть*, *угнетение*, *бессонница*.

Также представлена группа слов, связанных с воздействиями внешней среды или собственными действиями человека: *травля* (6), *опасность* (3), *давление*, *суицид*, *помощь*, *защита*, *злая шутка*, *угрозы*. Среди однократно встречающихся слов-реакций присутствует ряд конкретных (*формалин*, *тушка*, *кошелек*) и абстрактных существительных (*добыча*, *нажива*), связанных с семантикой жертвенности, извлечения пользы как поведенческих стратегий и принципов взаимоотношений.

Семантическая зона **какой** представлена следующими реакциями: *пострадавший* (25), *слабый* (13), *потерпевший* (12), *униженный* (12), *любой* (4), *обиженный* (6), *оскорбленный* (2), *беззащитный* (2). Однократные упоминания представляют довольно разнообразную с точки зрения семантики группу слов (*ненаходчивый*, *увлеченный*, *ущемленный*, *угнетенный*, *запутанный*, *уязвимый*, *хороший*, *закрытый*, *особенный*, *несчастный*, *бедненький*). Как видно из представленных примеров, большая часть слов-реакций оценочно нейтральна или подразумевает положительную оценку явления. В данной категории слов-реакций также представлены гендерно-маркированные единицы (*несчастливая*, *ведомая*, *хрупкая*, *слабая*, *угнетенная*). Непосредственно лексемы встречаются однократно, однако представляют собой группу, отражающую семантику пассивного поведения женщины и ее подверженности внешнему влиянию. Данная группа слов также характеризуется оценочным компонентом значения, в то время как в аналогичной группе гендерно-маркированных единиц, представленных в категории **кто**, оценочный компонент не выделялся.

Семантическая зона **действия** формируется глагольными ассоциатами с преобладанием лексемы подвергать (36). В реакциях данный глагол представлен в своей возвратной форме (*подвергается*, *подвергшийся*, *подвергся*), что указывает на поведенческую пассивность человека в положении кибержертвы. Также в описаниях присутствует ряд безличных конструкций

в утвердительной и отрицательной форме со следующими глаголами: *обижать*, *оскорблять*, *писать*, *завидовать*, *унижать*, *кибербуллить*, *задевать*, *не признавать*, *не понимать* (10 единиц). Формы активного залога единичны и представлены глаголами *страдать* и *контролировать* (в отрицательной форме), что указывает на пассивность положения кибержертвы в восприятии респондентов.

Группа слов-реакций, которые можно отнести к семантической зоне *где / место действия* (*сеть* (12), *интернет* (48), *интернет-пространство* (1)), характеризуется большой частотностью, в то время как группа слов, связанная с категорией образ действия, не представлена.

Заключение

Полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента данные позволяют сделать вывод о сложившемся образе-стереотипе такого участника интернет-коммуникации, как кибержертва: это человек, страдающий от агрессии со стороны других людей, не способный контролировать ситуацию общения. Это субъект «А», несчастный, слабый, беспомощный человек, вызывающий у субъекта «Б» зависть, неприязнь, негативное отношение и желание воспользоваться в своих целях.

Исследованный материал позволяет утверждать, что кибержертва как участник интернет-коммуникации не вызывает ассоциаций с какой-либо национальной принадлежностью, с биологическим полом, возрастом; ассоциации с профессией также представлены слабо. Положительная оценка явления (сочувствие, жалость) преобладает, однако при этом респонденты указывают на неспособность такого человека к активным действиям, что позволяет интерпретировать стереотипный образ кибержертвы как человека слабохарактерного, не имеющего собственной жизненной позиции или неспособного ее отстаивать по физиологическим или психологическим причинам. Некоторые респонденты отмечают такое качество кибержертвы, как невиновность, в связи с чем можно говорить о присутствии в составе данного стереотипного представления компонента значения, связанного с невозможностью влияния человека на коммуникативную ситуацию подобного формата.

Библиографический список

1. *Фалкина С.А.* Психологические характеристики подростков, склонных к виктимному поведению в Интернет-сети // *Перспективы науки и образования*. 2014. № 1. С. 230–236.
2. *Lester, D., McSwain S., Gunn J.F.* Suicide and the Internet: The case of Amanda Todd // *International Journal of Emergency Mental Health*. 2013. № 15. P. 179–180.
3. *Смирнова А.Р.* Анализ проблемы кибербуллинга через призму ответственности // *Вестник современных исследований*. 2018. № 4.1(19). С. 72–76.

4. Колесников Е.А. Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29. № 2. С. 148–159.
5. Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 273–292.
6. Шейнов В.П., Карпиевич В.А., Дятчик Н.В., Полховская Г.Н. Незащищенность от кибербуллинга и интернет-зависимость юношей и девушек: связи и свойства // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 64–72.
7. Aboajaoude E., Savage M.W., Starcevic V., Salame W.O. Cyberbullying: Review of an Old Problem Gone Viral // Journal of Adolescent Health. 2015. № 57(1). P. 10–18. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2015.04.011>.
8. Макарова Е.А., Осадчая А.В. Кибер-виктимизация и демографические характеристики подростков, вовлеченных в кибербуллинг // Национальное здоровье. 2019. № 1. С. 125–136.
9. Erentaitė R, Bergman LR, Zukauskienė R. Cross-contextual Stability of Bullying Victimization: a Person-oriented Analysis of Cyber and Traditional Bullying Experiences among Adolescents // Scandinavian Journal of Psychology. 2012. № 53(2). P. 181–190. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2011.00935.x>
10. Zych I., Ortega-Ruiz R., Marín-López I. Cyberbullying: a Systematic Review of Research, its Prevalence and Assessment Issues in Spanish Studies // *Psicología Educativa*. 2016. № 22(1). P. 5–18. <https://doi.org/10.1016/j.pse.2016.03.002>.
11. Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 89–93.
12. Фомиченко А.С. Особенности проявления кибербуллинга в высшем образовании (по материалам зарубежных исследований) // Мир науки. 2018. № 5. Т. 6. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN518.pdf> (дата обращения: 05.12.2022).
13. Волкова Т.Г. Виктимологическая профилактика. М.: Российская юстиция, 2009.
14. Наумова Ю.А., Захарова Е.А. О проблеме виктимного поведения подростков в современной действительности // Стратегии и тренды развития науки в современных условиях. 2017. № 1(3). С. 105–108.
15. Escortell R, Delgado B, Martínez-Monteagudo M.C. Cybervictimization, Self-Concept, Aggressiveness, and School Anxiety in School Children: A Structural Equations Analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. № 17(19). <https://doi.org/10.3390/ijerph17197000>
16. Смолян Г.Л., Кононов А.А. Проблемы обеспечения гарантий безопасности информационного общества // Научно-техническая информация. 2003. Сер. 1. № 8. С. 13–18.
17. Путинцева А.В. Особенности жертв кибербуллинга // E-Scio. 2019. № 9(36). С. 676–682.
18. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // Психология и право. 2015. № 4(5). С. 80–93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>
19. Rodríguez-Enríquez, M., Bennasar-Veny, M., Leiva, A., Garaigordobil, M., Yañez A.M. Cybervictimization among Secondary Students: Social Networking Time, Personality Traits and Parental Education // BMC Public Health. 2019. № 11. P. 1499. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7876-9>
20. Разумкова А.В. Этнические стереотипы поволжских татар в обыденном языковом сознании русских и татар республики Татарстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 682–693. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693>

21. Тамерьян Т.Ю. Моделирование этностереотипов в осетинской лингвокультуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 110–116.
22. Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 53–61.
23. Адамова З.Г. Моделирование автостереотипа «якуты»/«сахалар» на материале ассоциативного эксперимента // Вестник Якутского государственного университета. 2005. Т. 2. № 3. С. 88–94.
24. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН. 2000. С. 191–206.

References

1. Falkina, S.A. (2014). Psychological Characteristics of Teenagers Inclined to Victim Behavior on the Internet. *Perspectives of Science and Education*, 1, 230–236. (In Russ.).
2. Lester, D., McSwain, S. & Gunn, J.F. (2013). Suicide and the Internet: The Case of Amanda Todd. *International Journal of Emergency Mental Health*, 15, 179–180.
3. Smirnova, A.R. (2018). Analysis of the Cyberbullying Problem through the Prism of Responsibility. *Bulletin of Contemporary Research*, 4.1(19), 72–76. (In Russ.).
4. Kolesnikov, E.A. (2019). Study of Psychological Characteristics of Adolescents Tending to Victimal Behavior in Virtual Space. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 29(2), 148–159. (In Russ.).
5. Deyneka, O.S., Dukhanina, L.N. & Maksimenko, A.A. (2020). Cyberbullying and Victimization: a Review of Foreign Publications. *Perspectives of Science and Education*, 5(47), 273–292. (In Russ.).
6. Sheinov, V.P., Karpievich, V.A., Dyatchik, N.V. & Polkhovskaya, G.N. (2020). Danger of Cyberbullying and Internet Dependence of Teenagers: Interrelations and Properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 3, 64–72. (In Russ.).
7. Aboujaoude, E., Savage, M.W., Starcevic, V. & Salame, W.O. (2015). Cyberbullying: Review of an Old Problem Gone Viral. *Journal of Adolescent Health*, 57(1), 10–18. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2015.04.011>.
8. Makarova, E.A. & Osadchaya, A.V. (2019). Cyber-victimization and Demographic Characteristics of Adolescents Involved in Cyberbullying. *National Health*, 1, 125–136. (In Russ.).
9. Erentaitė, R., Bergman, L.R. & Zukauskienė, R. (2012). Cross-contextual Stability of Bullying Victimization: a Person-oriented Analysis of Cyber and Traditional Bullying Experiences among Adolescents. *Scandinavian Journal of Psychology*, 53(2), 181–190. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2011.00935.x>
10. Zych, I., Ortega-Ruiz, R. & Marín-López, I. (2016). Cyberbullying: a Systematic Review of Research, its Prevalence and Assessment Issues in Spanish Studies. *Psicología Educativa*, 22(1), 5–18. <https://doi.org/10.1016/j.pse.2016.03.002>.
11. Bubnova, I.S. & Tereshenko, A.G. (2014). Problem of Victim Behavior of Adolescents and its Socio-educational Prevention. *Psychology in Economics and Management*, 1, 89–93. (In Russ.).
12. Fomichenko, A.S. (2018). Features of Cyberbullying in Higher Education (based on foreign researches). *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 5(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN518.pdf> (accessed: 05.12.2022). (In Russ.).
13. Volkova, T.G. (2009). *Victimological Prevention*. Moscow: Rossiiskaya Yustitsiya. (In Russ.).
14. Naumova, Yu.A. & Zakharova, E.A. (2017). To the Problem of Victim Behavior of Adolescents in Modern Reality. *Strategies and Trends of Science Development in Modern Conditions*, 1(3), 105–108. (In Russ.).

15. Escortell, R., Delgado, B. & Martínez-Monteaudo, M.C. (2020). Cybervictimization, Self-Concept, Aggressiveness, and School Anxiety in School Children: A Structural Equations Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(19). <https://doi.org/10.3390/ijerph17197000>
16. Smolyan, G.L. & Kononov, A.A. (2003). Problems of Providing Guarantees of Information Society Security. *Scientific and Technical Information Processing. Series 1*, 8, 13–18. (In Russ.).
17. Putintseva, A.V. (2019). Peculiarities of Cyberbullying Victims. *E-Scio*, 9(36), 676–682. (In Russ.).
18. Safuanov, F.S. & Dokuchaeva, N.V. (2015). Personality Characteristics of Victims of Illegal Attacks on the Internet. *Psychology and Law*, 5(4), 80–93. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>. (In Russ.).
19. Rodríguez-Enríquez, M., Bennisar-Veny, M., Leiva, A., Garaigordobil, M. & Yañez A.M. (2019). Cybervictimization among Secondary Students: Social Networking Time, Personality Traits and Parental Education. *BMC Public Health*, 11, 19(1), 1499. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7876-9>
20. Razumkova, A.V. (2017). Ethnic Stereotypes of the Volga Tatars in Ordinary Language Consciousness of Russians and the Tatars of the Republic of Tatarstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 682–693. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-682-693> (In Russ.).
21. Tameryan, T.Yu. (2015). Modelling of Ethnic Stereotypes in Ossetian Linguoculture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 110–116. (In Russ.).
22. Goroshko, E.I. (2005). Problems of Conducting a Free Associative Experiment. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 3, 53–61. (In Russ.).
23. Adamova, Z.G. (2005). Modelling of the Autostereotype “Yakuts/Sakhalar” based on the Material of the Associative Experiment. *Bulletin of Yakutsk State University*, 2(3), 88–94. (In Russ.).
24. Karaulov, Yu.N. (2000). Indicators of National Mentality in the Associative Verbal Net. In: *Language Consciousness and the Image of the World*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 191–206. (In Russ.).

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: russia_science@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8146-9721; eLIBRARY SPIN-код: 9659–7646

Морозова Ирина Станиславовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой акмеологии и психологии развития, директор Института образования, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: ishmorozova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0862-7225; eLIBRARY SPIN-код: 9296–1166

Ермолаева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: enermolaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1353-1287; eLIBRARY SPIN-код: 3192–0142

Старцева Татьяна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; *e-mail*: startseva_tv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1818-0356; eLIBRARY SPIN-код: 3670–1941

Information about the authors:

Veronika V. Kameneva, D.Sc. (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; *e-mail*: russia_science@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8146-9721; eLIBRARY SPIN-code: 9659–7646

Irina S. Morozova, D.Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology, Director of the Institute of Education, Kemerovo State University; *e-mail*: ishmorozova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0862-7225; eLIBRARY SPIN-code: 9296–1166

Elena N. Ermolaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; *e-mail*: enermolaeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1353-1287; eLIBRARY SPIN-code: 3192–0142

Tatiana V. Startseva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University; *e-mail*: startseva_tv@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1818-0356; eLIBRARY SPIN-code: 3670–1941